

females adore their doctors and dentists;

і) особи, що пов'язані родинними стосунками: *a relative, an ascendant, a descendant;*

ї) особи, що знаходяться у певних взаємовідносинах з оточуючими: *associate, consociate, favourite, intimate*. Напр.: *Conscious that his associates at the moment would not be his father-in-law's dream, nor he theirs, Michael went out (... the girl was beautiful for she was Lulu Casteller, one of his favourites). She was beginning to like... middle-aged men – and admitted us much to her intimates.*

Свідченнями числової ідентичності даних субстантивантів та конкретних злічувальних іменників є сполучуваність з ними неозначеного артикля з квантитативною семантикою (*an individual*); однини вказівного займенника (*that individual*); займенника *every (every individual)* та форми однини дієслова-присудка (*the individual is...*).

За умови передачі такими субстантивантами множинності вони, крім форманта множини *-(e)s* виявляють множинну сполучуваність з ним слів, типу множини вказівного займенника (*these individuals are...*), або прийменників, що передують іменнику у множині, напр.: *between the individuals, among the individuals.*

Субстантивати слугують назвами:

1) періодичних видань *periodical, daily, monthly, weekly, fortnightly;*

2) кольорів: *these two yellows differ in shade;*

3) термінів:

а) лінгвістичних *an attributive, a cardinal, an ordinal, a comparative, an initial, a capital, an abstract;*

б) технічних *a locomotive, an automatic;*

в) логічних *a negative, a preliminary, a particular.*

У назвах національностей відсутні форми протиставлення по числу: *a Japanese, a Chinese*. Скоріш за все такі субстантиванти утворилися внаслідок еліпса іменникового сполучення. При цьому атрибутивна частина сконцентрувала в собі смисловий центр, а частина, що відпала (якою у даному випадку є, безсумнівно, іменник *people*), будучи збірним іменником за своєю природою, наділила слово, яке його замістило, як значенням збірності. За своїм внутрішнім змістом такі субстантивати передають множинну, яка є, по-перше, однорідною, а, по-друге, абстрактною. Пор.: *How foolish the old were, thinking they could tell what the youth felt. The young are tired of us, our gods and ideals. The rich were my enemies... then the curious are offered one of the most singular spectacles in the human comedy. We perceive in every man's life... the struggle of right and wrong in which the strong often succumb and the swift fail...*

Характерною структурною рисою зазначених субстантивантів є їх сполучення з означеним артиклем. Опредмечені ознаки цих субстантивантів тяжіють до збірності, що передбачає угруповання людей, напр.: *The sympathetic pour their sympathy with an abandon that is sometimes embarrassing to their victims.*

2) здатності у ряді випадків сполучатися з інтенсивами, що свідчать про переважачу у них ад'єктивність, пор.: *There were the poor, the not-so-poor and the well-to-do.*

3) констатації реальної множинності, що передається специфікою їх комбінаторики типу: а) вживання з ними дієслова-присудка у формі множини, напр.: *Keave... watched the lantern go shining down the path and along the cliff of caves, where the old dead are buried. "What do you think the British were going to do about it?";* б) співвіднесення з даними субстантивантами форми множини особового займенника *they* або його присвійного відмінка, напр.: *The wiser go their way with a decent grace. Tell the English they will get food as always... He had never envied the rich their luxurious pleasures. The blind in the first stages of their infirmity dislike those who can move with a free stride;* в) препозитивне вживання іменника, який завжди передує множині, напр.: *Captain Lawton called to the youth... and proposed charging the unbroken line of the British;* г) прийменника *among; among the Japanese.*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ ПОНЯТИЯ "ТЕКСТ" И ЗАКОНОВ ЕГО ОРГАНИЗАЦИИ

Чуланова Г.В. (Сумы)

Одним из основных объектов исследований в языкознании последних лет является текст. В коммуникативной онтологии основная цель человеческого общения – передача сообщения, т.е. естественное человеческое общение есть обмен смысловой информацией. Актуальной становится задача изучения текста как основной единицы коммуникации. Несмотря на многообразие условий и систем вербальной коммуникации, в каждой из них можно выделить элементарную коммуникативную цепочку, компонентами которой являются автор-текст-реципиент. Элементарная коммуникативная цепочка (ЭКЦ) представляет собой минимальную структуру, внутри которой может быть изучен процесс функционирования текста в коммуникации. Цепочка автор-текст-реципиент выступает в роли кванта коммуникации. Определим теперь некоторые основные понятия. В рамках ЭКЦ различают речемыслительную деятельность автора (РМДа) и реципиента (РМДр). Основным содержанием РМДа является преобразование "мысль-текст", основное содержание РМДр составляет преобразование "текст-мысль". Продуктом РМДа является текст, отчуждаемый от субъекта на ее заключительном этапе.

Общепризнанного определения текста до сих пор не существует и, отвечая на этот вопрос, разные авторы указывают на разные стороны этого явления: по мнению Т.М.Дридзе "текст как целостная коммуникативная единица – это некоторая система коммуникативных элементов, функционально (т.е. для

данной конкретной цели/целей) объединенных в единую замкнутую иерархическую семантико-смысловую структуру общей концепцией или замыслом (коммуникативной интенцией)". Текст – это органическая функциональная целостность; Е.С.Кубрякова считает, что любое завершённое и записанное вербальное сообщение может идентифицироваться как текст; текст – это то, из чего люди, обладающие некими усредненными сведениями о языке и о мире, делают достаточно разумные умозаключения; Л.Р. Безуглая определяет текст как результативную часть дискурса, вербализованный продукт мыслительно-коммуникативной деятельности субъектов коммуникации; знаковым объектом, обладающим специфической структурой, обеспечивающим выполнение коммуникативной функции в соответствии с замыслом автора считает текст О.Л.Каменская; И.К. Кобякова метафорично определяет текст как "островок организованности, упорядоченную форму коммуникации"; И.М.Коллегаева рассматривает текст как завершённое, цельнооформленное вербальное сообщение. И.Р.Гальперин дал определение тексту, раскрывающее его природу: "текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую целенаправленность и прагматическую установку". Однако, не во всех текстах мы можем найти выделенные здесь критериальные признаки. Так, Л.Н.Мурзин и А.С.Штерн указывают на существование четырех типов текстов: нормальные, деграмматизированные, нецельные, распад. Нормальные тексты обладают как цельностью, так и связностью, и представляют собой традиционную норму. Деграмматизированные тексты, в которых на первый план в качестве организующего момента выступает цельность, не обладают связностью в узком смысле слова, т.е. грамматической связностью. В данных текстах связность не эксплицирована, она восстанавливается реципиентом, ассоциативным путем создается текст, являющийся описанием некоторой ситуации. Эту группу текстов они называют также примитивными. Следующая группа текстов лишена цельности, но связность в них присутствует. Эти тексты не описывают единый объект, не имеют общего смысла (детские считалочки). Это тексты чисто цепочечной структуры, достаточно большой протяженности. Тексты, характеризующиеся распадом – это речевые произведения с полным отсутствием цельности и связности этот тип встречается при сильных шизофренических расстройствах. Такие тексты воспринимаются как бессвязное бормотание. Тексты 2-4 являются дефектными.

До настоящего времени четко регламентированные правила составления текстов неизвестны. Организующее начало, связывающее предложения в единый текст должно опираться на достаточно "гибкий" принцип, при котором тип и порядок частей заранее не регламентируются, но сами эти части, образуя некоторую структуру, должны находиться в определенном отношении друг к другу. Если бы существовала жесткая последовательность некоторых определенных частей текста, все мыслимые структуры текстов можно было бы задать исчислением. Для ограниченных групп текстов, относящихся к определенному жанру, такие исчисления строились или могут быть построены, но для более широких и неканонизированных классов текстов возможность построения подобных исчислений представляется сомнительной.

Итак, категории текста градуальны. Наличие основных категорий текста, к которым можно отнести категории информативности, адресованности, модальности, связности, цельности объективирует действительность терминов "стандартный" или "типичный". Отсутствие некоторых из перечисленных категорий обуславливает отнесение текста к типу "нестандартных" или "нетипичных". "К типичным текстам относятся тексты завершённые, полные, информативные, образные и необычные, функционально ориентированные, со структурно-содержательной представленностью, прагматико-коммуникативной направленностью, открытостью к осмыслению, дискретностью формы и содержания". Их можно отнести к категории прототипических. Метод прототипов был разработан в экспериментальной психологии исследовательницей Э.Рош и успешно применяется Е.С.Кубряковой, которая отмечает, что, все "естественные категории, построенные по прототипическому принципу, подвижны и размыты, именно понятие прототипа – при всей гибкости категории – вводит представление о неких диапазонах варьирования вокруг прототипа... Иными словами, прототип категории можно рассматривать как такой яркий представитель своей категории (образец, эталон), который наиболее полно фокусирует в себе ее признаки, концентрирует наибольшее число общих для категории черт... Прототип – средоточие наибольшего числа наиболее репрезентативных признаков категории в скоррелированном виде, т.е. выступающих в виде пучка признаков, соотнесенных между собой". Среди признаков можно выделить наиболее важные (центр) и менее важные (периферия). Максимальный набор признаков и будет составлять некоторый прототип, с которым, как с эталоном, можно сравнивать признаки, присущие представителям данной категории. Степень соответствия членов категории некоторому прототипу носит градуированный характер. Различным видам речевой деятельности вообще присуща та или иная степень регламентированности, нормированности, а тексты как продукты этой деятельности отражают в своей семантико-информационной, линейной структуре воздействие соответствующих регулирующих факторов и норм. Семантическая и формальная организация текстов регулируется текстовыми нормами. Актуальным здесь является вопрос о соотношении варианта и нормы, так как "только там, где есть или складывается правило, обязательный эталон, можно говорить о том, что в пределах правильности существуют варианты". Статус единицы уровня текста определяется свойствами, присущими всякому тексту и может быть определена как конструкт, конституируемый инвариантными свойствами текстов. Актуализацией такого конструкта будет конкретный текст, которому присущи инвариантные свойства единицы уровня текста.

Основой является понимание текста как информационно-самодостаточного речевого сообщения с ясно оформленным целеполаганием и ориентированного по своему замыслу на своего адресата. В известных условиях самодостаточным оказывается и отдельно взятое предложение и даже отдельное высказывание, слово, междометие. Таковы, например, тексты:

"captivating" - Diana Hinds, *THE INDEPENDENT*;

"Readable in the best sense of the world" - Peter Brown, *Time Out*;

"a subtle, atmospheric novel about race, sex, love, violence and Africa" - Margaret Drabble.

Они информативны, самодостаточны для интерпретации, имеют своего адресанта и адресата и преследуют вполне ясные цели, являясь одним из средств влияния на выбор реципиента. Цель этих текстов состоит в формировании позитивной психологично-эмоциональной атмосферы, способствующей выполнению рекламной функции подобных текстов. Очевидно, число предложений, входящих в текст, не является его существенным признаком не только с психологической, но и с чисто лингвистической точки зрения. Но так как текст непосредственно надстраивается над уровнем предложения, то он состоит из предложений или разлагается на предложения. И все же, хотя и можно согласиться с формулой, в соответствии с которой Т => П (текст равен предложению или же "больше" предложения), такие минимальные тексты - только точка отсчета для дальнейшего постижения природы текста, и, конечно, не они представляют собой обычные и наиболее часто встречающиеся речевые образования как результаты РМДа, однако, уже они намечают такие критерии (категории?) текста, как информативность, адресованность, цельность, ситуативность, отдельность, завершенность/незавершенность, эмотивность, интерпретируемость, психологичность, динамичность и др. Информативность понимается нами не как абсолютное количество информации в тексте, а как лабильная величина, способность адекватного донесения определенной меры информации до реципиента. Ситуативность, соотносимость с внеязыковой действительностью, с ситуацией - конкретной или абстрактной, реальной или воображаемой, - непереносимое условие цельности текста. Мы только тогда овладеваем языком когда за текстом начинаем видеть ситуацию. Ситуативность отличает текст от любой другой значимой единицы языка. Благодаря ситуативности текста цельность есть категория содержательная (в отличие от формальной природы связности), она ориентирована на содержание текста, на смысл, который приобретает текст, поставленный в соответствие с ситуацией. Если текст состоит всего лишь из одного компонента, как например следующие ТР:

"entertaining" - *Dallas Morning News*;

"Gripping" - *The New York Times*, то говорить о связности не приходится, но ничто не мешает нам считать этот текст цельным. Единственная связь, которая не может быть устранена, - это связь текста с действительностью или воображаемым миром. Такая связь не имеет прямого отношения к связности текста - она обеспечивает его цельность.

Соотносимость текста и ситуации имеет достаточную степень свободы. Одно и то же явление могут описывать разные тексты:

"Gripping ... Her hottest adventure in years" - *People*;

"Packed with action and suspense" - *Rocky Mountain News*;

"Fascinating ... engrossing, but brrr" - *Wall Street Journal*;

"You'll keep turning the pages, not to find out whodunit, but because you're in thrall to Cornwell's passion for the seamier side of life" - *Glamour*;

"A smooth summer entertainer ... the plot unfolds at a smart pace" - *New York Newsday* и, следовательно, каждый текст становится в определенный парадигматический ряд. Тексты-регулятивы чаще всего располагаются на суперобложке и на форзацах. Градация нагнетания достигается цепной подачей ТР от 1 до нескольких десятков.

Под отдельностью текста мы понимаем его отграниченность от других текстов. С отдельностью текста связана следующая его антиномия: завершенность/незавершенность. Одни лингвисты утверждают, что текст, как и всякая единица языка, не может быть незавершенным. Его незавершенность случайна, связана с нелингвистическими факторами. Другие полагают, что текст в принципе не может быть завершен, ибо описываемый текстом объект бесконечен, неисчерпаем для познания. Однако потенциальная неисчерпаемость объекта не означает актуальной неисчерпаемости. Актуально текст может быть завершен. Завершенность делает текст обособленным, отдельным от всех других текстов. Такая завершенность получает и внешнее выражение благодаря множеству приемов, которыми располагает кодирующий, чтобы поставить точку, ибо незавершенный текст вызывает недоумение у декодирующего. Так, ТР заключены в кавычки, в конце автор ставит точку / вопросительный знак / восклицательный знак:

"What's more tune than an Elisabeth Peters book? Not much that's legal." - *The Atlantic*;

"What more could you ask of a Palm Beach mystery?" - *The Palm Beach Post*;

"The best single word ... to describe it is simply - alive!" - *Detroit News*.

Динамичность текста определяется не только тем, что он создается говорящим в процессе общения. Он динамичен и потому, что существует в форме процесса восприятия. Вне восприятия текст не существует. Текст партнера по коммуникации существует для нас лишь в той степени, в какой он воспринимается. Интерпретируемость - универсальное свойство текста. Поэтому текст, который имеет лишь одно толкование, заключенное в нем самом, - уже не текст в полном смысле этого слова. Тексты различаются по степени интерпретации по жесткости/мягкости. Под жесткостью/мягкостью понимается однозначность/многозначность, определенность/неопределенность языковых выражений. Чем большему числу интерпретаций может быть

подвергнут текст, тем он мягче. Художественный текст принадлежит к наиболее мягким текстам: он может быть подвергнут в принципе неисчислимому количеству интерпретаций. Текст имеет субъектно-объектное социальное бытие. Он всегда является двусторонним единством авторского текста и читательского восприятия. Восприятие текста теснейшим образом связано с его пониманием. Текст мы воспринимаем в целом – в единстве формы и содержания. Понимать чужой текст – это значит его интерпретировать, т.е. создавать свой собственный текст, в чем-то аналогичный, но не тождественный по форме и содержанию.

Особенностью текста является его психологичность. Текст неразрывно связан с процессом мышления, но в отличие от последнего текст вербален. В самом тексте мы можем обнаружить и невербальные элементы, ибо часто содержание выражено не прямо, а косвенно, текст лишь на него намекает. Важно подчеркнуть то, что все невербализованные компоненты текста могут быть при необходимости вербализованы. Это позволяет утверждать, что текст принципиально вербален. Принципиальная вербальность текста соответствует принципу выразимости: все, что имеется в виду, все, что хранится в нашей памяти, может быть выражено словами. Являясь семиотической системой, язык способен выразить чувства, представления, образы, но не непосредственно, а путем возбуждения прежних впечатлений и аналогий.

Мы будем рассматривать текст как необходимый этап в осуществлении замысла говорящего, как результат сложного взаимодействия продуцирующего текст коммуникатора и реципиента.

Анализ исследуемого материала показал, что тексты-регулятивы не имеют четко выраженной структуры, отличаются размером и содержанием. Объем текстов-регулятивов варьируется от 1 до 60 слов. Они являются аттерчентными, примыкающими к основному тексту, не принадлежащими автору первичного текста, вторичными, т.е. они следуют за появлением в коммуникативном пространстве собственно текста, потенциального "провокатора" последующих трансформаций. "Первичные тексты – это что-то вроде априорных структур, наполняемых в ходе написания вторичных текстов чувственным многообразием". Они являются составной частью мегатекста, который представляет собой единство собственно текста и вспомогательного текста, отличающихся друг от друга прагматической направленностью, коммуникативной ценностью, облигаторностью присутствия. "Вспомогательный текст – это множество текстовых сообщений, факультативно сопровождающих основной текст, ценностью второстепенных и прагматически вспомогательных, т.е. направленных на оптимизацию функционирования основного текста". Интертекстуальные отношения между компонентами мегатекста проявляются в их тематическом единстве.

Тексту-регулятиву присущи точное авторство, субъективность, информативность, адресованность, цельность, ситуативность, отдельность, эмотивность, динамичность, интерпретируемость и психологичность.

У ЦАРИНІ НОМІНАТИВНИХ І КОМУНІКАТИВНИХ ОДИНИЦЬ

Швачко С.О. (Суми)

У лінгвістиці останніх років інтенсивно дискутуються питання мовленнєвих кодів, одиниць і категорій мови в їх психо-когнітивному вимірі "тут і тепер" - живої комунікації [2, 447]. Доміnantними на часі є метазнаки: *дискурс, текст, комунікація, вербальні та невербальні засоби спілкування*. Значущим є осмислення номінативних одиниць (НО) на векторі адресант-адресат, вивчення їх системно-функціонального буття. Семіотичний (знаковий) характер НО є прозорим в їх наповненні, оточенні та функціонуванні. НО включаються в комунікативні одиниці (КО), інтегруються на текстових просторах та преварують прагматичні наміри. Об'єктом статті є дослідження природи НО та КО, предметом – їх спільні та ізоморфні риси в англomовному дискурсі. "Мова – найбільший духовний скарб, у якому народ виявляє себе творцем, передає нащадкам свій досвід і мудрість, перемоги і славу, культуру і традиції, думи і сподівання. Рідним словом народ збагачує також світову культуру. Слово – наше повнокровне життя, невмируще джерело поступу. З цього невичерпного джерела мовець здобуває не тільки знання про навколишній світ, але й моральні і естетичні оцінки та уподобання народу" [3, 5]. У кожній мові спрацьовує вторинне конструювання на рівні слів, словосполучень та текстів. Вічним двигуном (лат. *perpetuum mobile*) у мові є словотвір, який діє без перепочинку щохвилини, щосекунди. Двигун словотвору діяв, діє і діятиме повсякчас, поки з'являтимуться нові предмети, народжуватимуться нові слова і мислі [3, 29]. Універсальними для НО різних мов є наявність поверхневої та глибинної структур, а також – поліфункціональність. Вивчення семасіологічних, ономасіологічних, епідигматичних, функціональних аспектів НО сприяє осмисленню і їх онтології. Структурно-семантичне наповнення НО детермінуються дією лінгвальних та екстралінгвальних факторів. Ця універсальна риса НО представлена девіацією у мовних дискурсах. Основна відміна НО від КО розкривається в опозиції відповідних функцій – називної та комунікативної. "Слово – основна структурно-семантична структура мови, яке співвідноситься з предметами, явищами дійсності, їхніми ознаками та відношеннями між ними вільно відтворюється у мовленні й служить для побудови висловлювань" [6, 379]. Слова підлягають пролонгації (а), скороченню (б), компресії (в), лексикалізації та граматицізації (г), які в результаті зазначених процесів модифікують поверхневу/глибинну структуру, збагачують обсяг мовного словникового корпусу. Стабільними при цьому залишаються словотвірні моделі:

а) *Happily enlarge* (афіксація); *blackboard, timetable* (композиція); *handicraft, snowman, Ms. Chairman, sportsman* (напівсуфіксація);

б) *story* ← *history*, *fence* ← *defense*, *fancy* ← *fantasy*, *Mr.* ← *master*, *Sir* ← *senior*, *on the q.t.* ← *quiet*, *emote*